

ЭЛЬМИРА ФАРАДЖУЛЛАЕВА

ПОРТНИХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эльмира Фараджуллаева

Портниха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73263588

SelfPub; 2026

Аннотация

"Портниха" – первый роман Эльмиры Фараджуллаевой, в котором она представляет обширную панораму общественной жизни, исследуя человеческие характеры и страсти, а также социальные проблемы и противоречия. Этот роман затрагивает глубокие темы алчности, эгоизма и столкновения с пороками общества, а также поднимает философские вопросы о природе желаний и их истинной цене. Через судьбу портнихи Любы, обладающей цыганской телепатией и видящей в золоте ключ ко всему, автор мастерски раскрывает истории о власти денег и человеческих страстях. Роман убедительно демонстрирует, как социальное неравенство и несправедливость порождают страдания и конфликты, но при этом оставляет надежду на сохранение человечности и стремление к лучшему, несмотря на всеобщее разрушительное влияние общества и его законов.

Содержание

Глава 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эльмира Фараджуллаева

Портниха

Глава 1.

Люба

В один из зимних дней високосного года на кухне у Сары до полуночи засиделись две гости. Одна из них, красивая девушка, взглянув на часы, заторопилась. Когда послышался шум уезжающего лифта, Сара, видя, что остались только допивающие кофе её сестра Сабина, проживающая с ней в квартире, и подруга семьи Тома, подошла к сыну; он стоял у окна и внимательно наблюдал за отъезжающим заказным такси, что подтвердило опасения матери.

– Давид, если ты и дальше будешь вести себя с Ликой так же, как сегодня вечером, мне придется не пускать её больше в наш дом. Я тебе не враг и знаю, что говорю. В твоём возрасте ты не можешь разбираться ни в прошлом, ни в будущем, ни в требованиях общества. Я скажу тебе только одно: отец Лики – мужчина, способный на всё, человек не нашего круга, вызывающий много толков о себе. Он очень плохо относился к своим родителям и не заслуживает такой дочери, как Лика. Девушка хорошая, заботится о братьях, она

достойна всяческих похвал, но пока жив её отец, ни в одном порядочном семействе родители не захотят видеть эту милую девушку своей невесткой.

– А я слышу, о чем вы говорите с Давидом! – воскликнула Тома. – Сабина, хватит на сегодня кофе, – сказала она, обращаясь к сестре Сары, – пойду на помощь твоему племяннику.

– Ну и слух у тебя, – удивилась Сара. – Тома, как ты могла услышать то, что я говорю Давиду? Я шепталась с ним очень тихо.

– Я всё поняла по вашим глазам, – ответила Тома, чиркнув зажигалкой и выпускаю дым от сигареты в открытое окно.

Сабина села рядом с Давидом, а Сара подошла к Томе, чтоб тоже закурить.

– Ладно, так и быть, расскажу вам об отце Лики. Может быть, это как-то изменит ваше отношение к его дочери, – сказала Тома, затушив сигарету и усаживаясь в кресло возле окна.

– Да, тетя Тома, да, рассказывай скорее! – воскликнул Давид.

Тома бросила на Сару взгляд, по которому последняя поняла, что рассказ этот будет для неё интересен.

Сара по происхождению и богатству была одной из очень авторитетных женщин. И то, что Тома, обычный адвокат, так запросто устраивала с ней перекур у неё же на кухне, объяс-

нялось очень легко. Сара, вдова известного академика, после долгих лет, проведенных в эмиграции, вернулась с сыном в столицу. Благодаря проворству Тома она получила огромную пенсию мужа за все годы, что провела в эмиграции, отвоевала у родни покойного супруга загородную виллу, которую сдала на весьма долгий срок. Также по совету Тома она вложила деньги в весьма выгодное предприятие, которым учился руководить Давид. Ну и наконец, продав престижную квартиру своих родителей в элитном доме, купила три новенькие, в одной из которых и происходило вышеописанное действие. Тома, будучи грамотной, честной, скромной и вежливой, стала вхожа в дом Сары.

Благодаря дружбе с Сарой Тома могла бы влиться в сливки местного общества, но она была абсолютно нечестолюбивой. Она даже отклонила предложение Сары вести совместный бизнес. За исключением Сары, Тома общалась с людьми лишь для поддержания связей. Она очень симпатизировала этой очаровательной женщине, прекрасно владеющей иностранными языками, эрудированной и, несмотря на возраст, очень привлекательной. Тома гордилась тем, что, показав свои дарования, смогла оказать услугу Саре.

С тех пор как Лика стала давать уроки английского Сабине, Тома, угадав интерес Давида к девушке, стала чаще бывать у Сары. Накануне описываемого вечера, на презентации в галерее, Тома встретила Давида и сказала ему, указывая глазами на Лику:

– Жаль, что отец этой девушки так дискредитировал себя!

Правда?

– Почему? При чем тут её родители? Мне кажется, она образованная, воспитанная девушка, красавица к тому же...

– Да, но вот если б она была богата!

– Если бы она была богата, то все ребята в этом зале к ней бы клеились, – краснея, ответил Давид.

– Да уж, – заметила Тома, – и ты бы не был единственным магнитом, притягивающим её взгляд. Ты покраснел – к чему бы это? Кажется, ты к ней равнодушен, а?..

– Я принесу нам что-нибудь выпить, – сказал Давид и исчез.

«Она ему очень нравится», – подумала Тома.

С той презентации Давид стал по-особенному относиться к Томе, понимая, что она одобряет его симпатию к Лике, хотя раньше отношение было больше похоже на уважение и дружескую приязнь, без теплоты. Он знал, что его семья многим обязана Томе, потому в его голосе было что-то, указывающее на некоторую дистанцию. Благодарность – это обязательство, которое дети неохотно принимают по наследству от родителей.

Тома закурила по второй и начала свой рассказ:

– Этот вечер напомнил мне романтический эпизод моей жизни. Но сперва я вам расскажу об одной женщине, которую вы сто процентов не знаете, – речь идет о портнихе. Представьте себе высокую брюнетку. Волосы у моей порт-

нихи были черные, совершенно прямые и всегда аккуратно причесанные. Холодные черты лица казались отлитыми из бронзы. Глаза, большие и бесстрастные, словно у совы, с длинными ресницами, вечно шурились. Длинный нос походил на восточную туфлю, а губы были полные, как у Эллы Фицджеральд. Говорила Люба спокойно, тихо, никогда не повышая голос. Возраст её трудно было определить: я никогда не могла понять, состарилась ли она раньше времени или же моложавая в свои преклонные годы.

Всё в её квартире было опрятно, но потерто, начиная от мебели до ковра – совсем как у старой девы, которая сутками напролет драит свой скудный скарб. Её движения были будто запрограммированы, и в целом она напоминала женщину-робота. Если вдруг во время разговора возникал побочный шум от проезжающего автомобиля или работающей дрели, она умолкала, не желая напрягать голос, как будто сэкономила свою энергетiku, заглушая в себе все эмоции.

Жизнь её двигалась так же бесшумно, как плывёт туман над рекой. Иногда её клиенты поднимали крик, возмущались, потом вдруг наступало глухое молчание, как в могиле. К вечеру портниха становилась обычной женщиной, а кусок железа в её груди – просто сердцем. Если она была довольна, то прилизывала рукой черные пряди волос, и губы Любы искажались в слабой улыбке. В минуты счастья говорила она односложно и сдержанно.

Вот такая соседка была у меня в студенческие годы. Квар-

тира, которую я арендовала на время учебы в магистратуре юридического факультета, находилась в странном здании, похожем на скалу – под стать моей соседке. Раньше в здании была фабрика, но после известных событий его переделали в жилище для беженцев. В таком угрюмом месте сразу исчезал бойкий энтузиазм клиентов Любы. Поэтому они старались не приходить к ней в дом на примерки, а вызывать её к себе. Единственный человек в доме, с которым Люба поддерживала отношения, была я. Она заглядывала ко мне стрелнуть сигаретку, разрешала мне заходить в её вылизанную квартиру, и мы иногда болтали, если она была к этому расположена.

Для меня она была досягаема благодаря долгому соседству и моему хорошему поведению, которое по причине отсутствия денег во многом походило на жизнь пенсионерки. Была ли у неё семья? Дети? Друзья? Бедная она была или богатая? Никто этого не знал. Цены за шитье у Любы были космические. В комнату, где происходило таинство кройки и шитья, она не впускала никого.

Но как она шила! Самые богатые и знатные люди города записывались к Любе в очередь, потому что так, как могла сшить она, не мог, наверное, никто. Повторить любой бренд, придумать эксклюзив, расшить стразами, скрыть уродливое и показать достойное – она творила чудеса. Я никогда не видела денег в руках Любы, и состояние свое, вероятно, она хранила в застенках банка. Продукты она себе не покупала, разве что дешевый кофе. Я ни разу не застала её готовящей

себе хоть яичницу, зато ночами напролет она строчила, отпарывала, вышивала, кроила. Фамилия у нее была довольно странная – Шишкова. Позже, оказав ей некоторые услуги, я узнала, что ко времени моего с ней знакомства ей было почти 60 лет. Мать у нее была татарка, а отец – цыган, полное его имя было Эмилио Шишков. Родители были цирковыми артистами. Они много путешествовали, мать научила Любу шитью, и это стало страстью всей её жизни. С детства она сопровождала родителей на выступления, которые проходили на торжествах у детей и внуков олигархов. Кого только Люба не видела! Отпрыски «великих мира сего» всегда смотрели на цыганочку с высокомерием и недоверием.

А Люба мечтала разбогатеть, найти чемоданчик с долларами и наказать злобных чад. Если человеколюбие считают своего рода гуманизмом, то Люба была мизантропом. До последней минуты её душа оставалась для меня большим секретом. Иногда мне даже казалось, что она первая и последняя бесполовая портниха на моём жизненном пути. Однажды вечером я зашла к этой глыбе, которую в шутку клиенты называли «Любомор».

Она, сидя в обшарпанном кресле под старинным абажуром, подшивала подол свадебного платья и молча указала рукой на мой привычный стул.

«Божички, о чём она думает? – спрашивала я себя. – Знает ли она, что есть в мире любовь, секс, чувства?»

Но я резко остановила поток жалости – ведь я прекрасно

понимала, что у нее не может не быть много денег и она могла бы позволить себе всё что угодно. Люба была не просто портнихой, а портнихой-процентщицей.

– Вы что-то мрачная сегодня, как в тот день, когда узнали о закрытии банка «Корона», который вы хвалили, но потом оказались потерпевшей.

– Потерпевшей? – удивленно спросила Люба.

– Да, вы же так и не смогли вытащить все деньги по страховке из банка, нет?

– Нет, у меня всё получилось, да еще с компенсацией.

Я тогда впервые заговорила с ней о деньгах. Она, пожав плечами и презрительно сощурившись, посмотрела на меня и произнесла:

– Я забавляюсь. Разве только тот музыкант, кто рисует ноты? Ты молодая, кровь у тебя кипит, а потому и пред глазами пелена, и не замечаешь ты ничего. Там, где ты, Томусик, видишь долину с порхающими влюбленными, я вижу пожарище. Ты всему веришь, а я ничему не верю. Хочешь, скажу тебе про итог жизни? Кем бы ты ни была – преданной мужу домохозяйкой, бизнес-леди, депутатом – однажды наступит возраст, когда привычка к собственному комфорту станет твоей жизнью. Счастье – это купленное за свой опыт благополучие. Всё остальное – фальшивка. Я, например, всю свою жизнь менялась по обстоятельствам. Смотри, ведь то, что в Азии карается, у нас вызывает восторг. А то, что у нас считают блядством, где-то признается необходимостью. Нет на

земле ничего стабильного, есть условности, и везде они разные. Для меня, той, кто приспособливался, меняя принципы, все ваши нравственные правила и мораль – «пшик», пустой звук. Существует лишь одно природное чувство – личный интерес у людей и инстинкт самосохранения у животных. Жизнь научила меня, что есть лишь одно великое благо, за которым стоит гнаться – деньги. Я много моталась с родителями, много чего видела и поняла, что не имеет значения, где жить. Люди везде одинаковы. Везде идет война между бедными и богатыми. Уж лучше самой прессовать, чем чтоб тебя. Везде сильные трудятся, а ленивые мучаются. Кайфы повсюду одни и те же, и повсюду они истощают. И только один кайф вечен, одно развлечение всегда с нами – себялюбие! Что удовлетворяет себялюбие? Правильно, деньги! Много денег! Для кайфов нужны время, усилия, материальные блага. Всё это есть в деньгах изначально, и всё в действительности дают именно они.

Только больные могут находить счастье в игре и казино. Только безумцы могут тратить время на обыкновенные сплетни – кто с кем переспал, за сколько и каким способом. Только дураки могут лезть в политику, чтобы управлять тем, чего нельзя предвидеть. Только кретины могут повторять чужие шутки, выгуливать себя словно в зоопарке, одеваться ради других, делать пышные свадьбы ради других, хвастаться крутой тачкой или яхтой, которую посчастливилось купить раньше, чем соседу. Вот она, вся ваша жизнь – поместилась

в трёх предложениях. А теперь посмотри на суть человека с высоты, на которую им не подняться. В чём же счастье? Есть эмоции, укорачивающие нашу жизнь, и есть рутина жизни. Выше этого есть искусство наблюдать за людскими страстями, а самой жить спокойненько. Я научилась прессовать мир, не утомляя себя, а мир при этом не имеет надо мной ни малейшей власти.

– Тома, – после небольшой паузы сказала Люба, выключив телефон, – я расскажу тебе, что произошло сегодня со мной утром, и ты поймешь, в чём моя игра.

И меня вдруг осенило, что, вероятно, моя соседка не только портниха и процентщица, но, скорее всего, и стучкачка – уж очень подозрительно она вдруг отключила телефон. Действительно, клиентский список Любы был идеальным плацдармом для особых органов, ведь она не только шила, а реально снабжала наличкой под проценты.

Никаких излишеств в личной жизни, доходящая до маниакальности скупость и невероятная любовь к власти – чем не образ безупречного агента?

– В это воскресное утро, – начала свой рассказ Люба, – мне нужно было заехать к двум клиенткам. Их заказы были готовы в разное время, но я не хотела дважды выходить из дома. Люблю практичный подход: за мной, как ты знаешь, посылают водителя, вот и решила всё проверить утром: с водителем первой клиентки, Лоры, заскочить ко второй – Аиде.

Пару недель назад ко мне заезжала женщина: писаная красотка, стильная, вся в брендах, цацки – эксклюзив, с водителем на тачке под стать брюликам. Уж поверь мне, мой цыганский глаз много чего повидал. Красавица с обложки журнала VOGUE протянула мне сверкающий iPhone. Человек на линии представился и назвал сумму, которую я должна была передать девушке. В ту же минуту Яна, хозяйка умопомрачительного телефона, ловко извлекла из ароматно пахнущей сумочки от Louis Vuitton расписку, подписанную Авраамом, мужем Лоры – дочери известного олигарха.

Авраам был министром, интересным мужчиной, романтиком, игроком и альфонсом. Всё, что он имел, досталось ему благодаря его свёкру. И до того эти жалкие чинуши боятся семейных скандалов, дрожат за свое кресло, что бегут за наличкой ко мне – я называю это «синдромом страуса». Тома, ты и представить себе не можешь, с каким удовольствием я наблюдала за развитием этого сценария жизни, где есть и любовь, и глупость, и гордыня, и жалость... Потому я и отправилась сперва к министру, чтобы получить долг по расписке, переданной мне Яной, ну и отдать Лорино платье.

Костюм Аиды, второй клиентки, тоже был готов, и очень кстати, так как пришло время её сыну, Эмилю, вернуть долг, взятый у меня с целью закончить дела по защите докторской диссертации. Сама знаешь, в наши дни получить ученую степень – удовольствие дорогое. Мои утренние клиентки жили недалеко друг от друга. Оазисный район Лоры в черте горо-

да, с понастроенными в безвкусном стиле особняками-плагиатами в самом худшем исполнении, соседствовал с домами поскромнее, в одном из которых жила Аида с сыном. С чувством ликования я сошла с автомобиля у ворот особняка Лоры, ведь у меня в руках был секрет министра.

Пока мы ехали в машине, я попросила водителя предупредить Авраама о моем визите. Однако ему ответили, что хозяин вернулся под утро и проснется не раньше полудня. В холле особняка я встретила «меченосца» Авраама, который с холопским выражением лица подтвердил, что хозяин недоступен.

Тут, Тома, я должна сказать, что есть у меня одна слабость – наследить грязью канализационных отходов нашей улицы на дорогущих полах «хозяев жизни». Не из мелкой зависти, а чтоб дать почувствовать приближение неотвратимости, – добавила Люба, прилизав волосы рукой. – Выйдя из лифта на третьем этаже, я свернула направо, так как знала наизусть маршрут, который ведет в покои Лоры, как вдруг услышала позади себя вкрадчивый голос Авраама и тут же поняла, что он мне не заплатит.

Авраам был красавец мужчина. В спешке он надел дорогой бархатный халат и кутался в него так искусно, что вырисовывались его статная фигура и часы на запястье – ни много ни мало, Patek Philippe. Он провел меня в свой кабинет со смежной дверью в спальню, через которую виднелась смятая постель – результат тревожного сна. Вся комната дышала

сладострастным беспорядком: коврик у камина, на котором стояла непочатая бутылка виски Macallan, осколки разбитого бокала, галстук, небрежно брошенный уставшим мужчиной по возвращении с кутежа. У входа в спальню валялись туфли и носки. Рядом с бронзовыми львами, поддерживающими журнальный столик, сверкала белизной рубашка. На кушетке лежал пиджак, рукавами касаясь ковра. На камине поблескивали ключи от машины и зажигалка. Почти все ящики комода орехового дерева в стиле барокко были выдвинуты. Пахло дорогим одеколоном. Во всём царила безвкусная роскошь, хаос и никакой гармонии. На миг мне показалось, что из пасти бронзового льва смотрят наручники и скалят зубы. Лицо Авраама походило на обстановку вокруг и вызывало во мне чувство жалости: ещё вчера все эти бездельники были с ним, и кто-то восторгался ими. А уже сегодня они собирательный образ продажной любви, шумной суеты, угрызений совести и чудовищных усилий удержать ускользающий кайф. И всё же Авраам был великолепен, природная энергия была ключом, и все эти элементы безрассудной жизни его не портили. Он мне нравился, но сам, как мне показалось, был выше любви.

– Любочка, – сказал Авраам, склонив кокетливо голову. – Кофе? Виски? Прекрасно выглядишь!

Не дождавшись ответа, он перешел к делу:

– Мне нужно время, Люба, хотя бы неделю.

– Я так не работаю, – ответила я спокойно. – Ещё сутки,

а потом я передам расписку куда следует.

В голове плыла мысль: «Плати, господин министр, за всё за это: за кресло, за счастье, за привилегии, которыми ты пользуешься. Такие, как ты, изобрели полицию и суды, чтоб охранять своё добро, вы же, идиоты, сами туда и попадаете, и останется с вами только бесплодное раскаяние».

– Неужели ты осмелишься? – воскликнул Авраам. – Ты меня не уважаешь?

– Нет, – ответила я сухо.

В это время за дверью послышался голос Лоры:

– Авраам, ты что, не один?

Авраам взглянул на меня, я поняла его – он стал моим рабом.

– Что вы тут делаете, Люба? – приподняв красивые брови и будто не веря своим глазам, спросила Лора, застыв в дверях кабинета.

На мне было просторное платье-трапеция с большими накладными карманами. В нём было удобно, оно не подчеркивало фигуру, не стесняло движений и стоило копейки, что делало его особо ценным для меня. Всё произошло молниеносно: сперва я заметила, что с запястья Авраама исчезли часы, потом – что карман моего платья, находящийся по левую руку от него, отяжелел не менее чем на сто тысяч долларов.

– Я увидел Любу в коридоре, – поспешил ответить Авраам, – пригласил выпить кофе, думая, что ты спишь. Ты зна-

ла, что Люба – цыганка? Люба, позолотить ручку?..

– Прекрати, Авраам. Люба, пойдёмте ко мне, – сухо произнесла Лора и направилась к выходу, чем я и воспользовалась, быстро положив расписку на письменный стол.

Получив от Лоры оплату за хорошо сделанную работу, уйму комплиментов и водителя на обратный путь, я удалилась. Во дворе я увидела толпу всяких садовников, ухаживающих за садом, охранников, горничных, водителей, наводящих глянец на крутые тачки членов семьи. «Вот что отправляет ко мне влиятельных мира сего!» – подумала я. Вот что вынуждает их корректно красть миллиарды, продавая родину. Чтоб не заляпать роскошные машины, мотаясь повсюду, генералы золотых карьеров и всякий, кто силится подражать им, готовы с головой окунуться в дерьмо.

Аккурат тут ворота распахнулись, и въехал Ferrari с той самой красоткой, что передала мне расписку Авраама.

– Яна, – сказала я, когда она выпорхнула из машины, – скажите Аврааму, что то, что он мне передал, ещё недельку будет в его распоряжении.

По губам Яны скользнула насмешливая улыбка, говорившая: «Ваау, заплатил! Супер!». И я прочла на её лице всё будущее министра. Я ли не цыганка?! Эта красотка – хладнокровная, расчётливая, беспощадная – прогорит сама, обанкротит министра, пустит по миру Лору и разорит детей, расшатав их наследство. Да и с другими поступит почище, чем реактивный миномёт во вражеском войске.

Следуя плану, я отправилась с водителем Лоры к клиентке номер два – Аиде. Поднявшись на последний этаж девятиэтажной новостройки, я вошла в просторную двухкомнатную квартиру, где всё сверкало чистотой и порядком: ни пылинки, ни соринки в столовой, где находилась Аида – пожилая женщина, одетая просто, но с изяществом. У нее была стройная фигура, правильные черты лица и приветливая улыбка. Облачившись в сшитый мной костюм, она замерла перед зеркалом гостиной.

– Эмиль, сынок, посмотри, что творит эта фея! Люба, вы знаете, что я до сих пор ношу вещи, которые вы мне шили пару лет назад.

В комнату вошёл сын – милый молодой человек с приветливым, как у матери, лицом, каштановыми, модно подстриженными волосами и глазами чистыми, как кристалл. Солнце, пробиваясь сквозь густой тюль, осветило скромный облик Эмиля.

– Мам, если вы закончили, я украду на пару минут Любу, можно? – спросил он.

– Да, конечно, – ответила Аида.

Мы прошли в просторную и светлую большую кухню, какие бывают только в новостройках. Как в отделении хирургии, там всё было идеально; приятно пахло чистотой и вкусными булочками.

– Угощайтесь, – предложил Эмиль, указывая на поднос со свежей выпечкой, который соседствовал со стопками книг и

компьютером.

Передо мной, несомненно, был молодой человек, которого воспитание и образование убедили в том, что в жизни нужно трудиться честно, не покладая рук. От него шли какие-то хорошие, по-настоящему добрые флюиды искренности, чистоты душевной, и мне как-то полегчало. Бедный мальчик! Он уже столкнулся с первым сигналом продажной научной системы. С кухонного карниза свисала, позвякивая, фэншуевская «музыка ветра». Я слегка умилилась. И даже готова была дать ему денег с небольшим процентом, чтоб он смог открыть свое дело, работать на себя и не зависеть ни от кого. Но, подумав об ораве родственников Аиды, которых она будет просить его взять на работу, послала свой великодушный порыв куда подальше. Я знаю, что подобные порывы, если не навредят никоим образом мне, то для парня могут оказаться весьма вредными.

– Тома, я как раз сегодня думала о том, чтобы познакомиться вас с Эмилем – вот из кого выйдет замечательный муж, отец. Ты только сопоставь нравственную жизнь этого парня с жизнью министра, который, уже не довольствуясь ничем, пишет мне расписки и в скором времени окажется на самом дне.

Люба задумалась, а я тем временем разглядывала её.

– Ну да, – вдруг произнесла она, – вот такие у меня забавы! Мне нравится сканировать самые глубинные рельефы человеческой души, нравится наблюдать жизнь за стеклом –

без масок, нагую. Чего только я не знаю и чего только я не видела! И болезни, и ужасное горе, и любовь, и самоубийства, и смех отчаяния, и звук колес машины пенитенциарной службы. То видишь трагедию: честный отец семейства совершает суицид из-за того, что не может прокормить семью, то становишься свидетелем того, как молодой богатый бездельник, промотав деньги папаши, разыгрывает перед тобой комедию в лучших традициях системы Станиславского.

Всякие там Стив Джобс или Черчилль – просто косноязычные по сравнению с моими клиентами-ораторами. Завистливая девушка, старый разоряющийся бизнесмен, отец, пытающийся скрыть ДТП со смертельным исходом, которое совершил сын, удрав с места происшествия, бездарный художник без средств, чиновник, который недодал и, того гляди, пойдёт по миру и потеряет всё, что наворовал за долгие годы – у этих людей просто дар слова. Скрытый талант актерского мастерства в театре одного актера, и я их единственный зритель, ей-богу! Но меня не проведёшь! У меня цыганский глаз: я их сердца считываю слёту, ничего им не спрятать. Тома, я очень богата и покупаю человеческую совесть, манипулирую ею как хочу. У меня власть, и я наслаждаюсь ею.

Таких, как я, очень мало. Мы владеем секретами тех, у кого очень много денег. Я часть системы, которая отвечает за банки, торговлю, кредиты: судейская и финансовая среда, высший эшелон чиновников, бизнесмены, золотая мо-

лодѣжь, светские люди, игроки, художники и актѣры. Представь, что все они стучат друг на друга, ведь обиженные страсти и тщеславие болтливы. Во все века лучшими агентами были безнравственность, отчаяние, месть. То, что я владею на сегодняшний день деньгами, ставит на колени передо мной самого надменного чиновника, самого утонченного дипломата, самую страстную любовницу, самого спесивого военного, балерину, поэта – и этот список можно продлить до бесконечности.

Вот такой «Любомор», Томусик, живѣт с тобой по соседству, – закончила свою речь Люба.

Я вернулась к себе в комнату совершенно разбитой и напуганной. «Либо она шизофреничка, либо мне надо съезжать отсюда», – думала я, ворочаясь с боку на бок. Я не могла заснуть, мне мерещились эти ужасные люди, стоящие в очередь к Золотому тельцу с головой Любы на Уолл-стрит в Нью-Йорке, и Авраам без часов в нищенской робе. Проснувшись утром, я подумала об Эмиле, образ которого вдруг возник перед моими глазами.

– Томочка, чаю хочешь? – спросила Сара.

– С удовольствием, – ответила она.

– Знаешь, я пока не понимаю, какое отношение к Давиду имеет вся эта история, – сказала Сара, механически открыв и закрыв холодильник.

– Сара, сейчас я скажу то, что ошарашит Давида и взбудоражит тебя, – сказала Тома, пересаживаясь к столу. – Скоро

Лица станет владелицей акций «Газдипа» на сумму в полтора миллиарда долларов. Да-дам! Давид, ты в шоке? Но это еще не всё: на днях умерла Люба, ну и мой муж – это сын Аиды, Эмиль.

– Тома, реально? Как? – удивилась Сара. – Ну об Эмиле ты кричишь на каждом углу, понятно.

– Да-а! Я его очень люблю, – призналась Тома.

– Твой чай, пей, Томочка. Эх, хорошая ты, Тома, но никогда тебе не сделать умопомрачительной карьеры, хотя ты всегда будешь самой счастливой из всех, кого я знаю.

– Ой, ну рассказывай дальше, – сказала вдруг Сабина. – Так что там случилось в доме у Лоры?

– Спустя месяц после этого откровенного разговора с Любой, – продолжила Тома, – я защитила дипломную работу, получила степень магистра и отправилась работать в адвокатскую контору.

Люба меня очень заужала. Она даже советовала со мной, чему я была не рада, так как её информация мне казалась опасной и рискованной. Удивительно, что она выслушивала меня с почтением, хотя считала себя человеком, на которого никто и ничто не могло повлиять. И всё же мои советы шли ей на пользу.

Итак, проработав три года юрисконсультантом, я стала помощником начальника, получила довольно приличную зарплату и решила снять квартиру поновее. Я летала от счастья! Встретив меня у своих дверей с коробкой шоколадных кон-

фет, Люба не выразила ни малейшего сожаления по поводу моего отъезда и даже не пригласила бывать у неё – лишь посмотрела на меня своим рентгеновским цыганским взглядом, будто просканировала. Но ровно через неделю она сама пожаловала ко мне с какой-то запутанной историей с расписками и с тех пор стала постоянно наведываться, пользуясь безвозмездно моими советами так, будто платила за них.

Наступила зима, а с ней – неприятности на работе. Мой шеф решил продать свой офис. Неизвестно было, кто бы купил его и сработалась бы я с новым патроном. Сумма, которую он за него хотел, была для меня неподъёмной. Однако, если бы мне, компетентному юристу, приплыли бы деньги на покупку этой конторы, я бы очень прилично жила на доходы от неё и тихонечко расплатилась бы с долгом. Но ничего ниоткуда приплыть не могло, так как я – четвёртый ребёнок в семье, отец мой был инженером на заводе, а мама – домохозяйка, и из всех богачей в мире я была знакома только с Любой. Но всё же какой-то лучик надежды и мои амбиции внушили мне попробовать обратиться к ней.

Медленно я плелась по знакомой улице, в горле стоял неприятный ком. Сердце забило, когда я постучалась в дверь Любы; вспомнилось всё, о чём мы говорили, и я даже не подозревала, какие чувства терзали людей, переступающих порог её дома.

«Но я же не в долг пришла просить, – подумала я, – я честный человек и сохраню своё достоинство, не собираюсь

унижаться. Буду такой же практичной, как и она».

Чувство тошнотворности охватило меня, когда я вошла, оказавшись в знакомых стенах её квартиры.

– Офис продаёте? – спросила она тихим голосом.

– Вы уже знаете? Вроде об этом никто не знал...

– Ну так ты же только из-за этого и пришла, – сухо отчеканила Люба. – Ладно, говори.

Собравшись духом, я наконец спокойно изложила всё, что хотела.

– Люба, вы не из тех, кого можно растрогать, я не стану вас убеждать, а просто по-деловому объясню суть дела. Я думаю, что если контора будет в моих руках, то я буду зарабатывать в два раза больше, чем мой шеф. По моим подсчётам, если вы одолжите мне нужную сумму, то в течение пяти лет я смогу вам её выплатить.

– Спасибо за краткую речь, – сказала Люба и взяла мою руку в свою. – Никогда ещё никто так чётко и бесстрастно мне не излагал суть дела. А какие гарантии?

– Нет гарантий, – ответила я. – Ну так что?

– Приходи завтра утром и возьми удостоверение личности.

Спозаранку я была уже у Любы. Она внимательно прочла моё удостоверение два раза – осталось разве что его понюхать и попробовать.

– Пятьдесят процентов. Обычно я беру пятьдесят и больше, – покашляв, сказала она.

У меня всё похолодело внутри.

– Но с тебя, Томусик, я возьму десять. Хотя нет, одиннадцать. Ну что ты молчишь, торгуйся. Прикинь: тебе это под силу?

– Я расплачусь, просто нужно будет много вкалывать, – ответила я с ходу.

– Будешь брать взятки? – хитро спросила Люба.

– Ну уж нет, я не граблю людей, вы прекрасно это знаете.

– Итак, Томусик, я решила: я буду посылать тебе клиентов, и за это я хочу не одиннадцать, а пятнадцать процентов. И еще – ты будешь вести мои дела безвозмездно. Окей?

– Хорошо, – ответила я.

Мы договорились встречаться раз в неделю для обсуждения текущих дел. У порога я спросила Любу, зачем ей понадобилось моё удостоверение, на что она ответила, пожимая плечами, что те, кому за тридцать, не вызывают у неё доверия.

Ровно через три месяца я стала начальником. Позже мне посчастливилось встретиться с вами, Сара, и помочь решить ваши проблемы. Это был поворотный момент в моей карьере, он принёс мне некоторую известность. И хотя я всё еще выплачивала Любе проценты, жизнь потихоньку налаживалась. Я вышла замуж за Эмиля, которого очень уважала и любила всей душой. У нас было много общего, и это ещё больше скрепляло наши отношения. Эмиль помогал мне расплачиваться с Любой, и уже через несколько лет я полно-

стью погасила ей свой долг. Но что это я о себе да о себе, вернусь к своему рассказу.

Спустя год после моего визита к Любе один из моих клиентов пригласил меня на вечеринку Яны – одной из самых блестящих тогда светских львиц города – по случаю открытия известного бренда.

– Да уж, самая блестящая! – прервала Тому Сабина. – Яна была самая крутая и стильная из всех, кого я знаю. Она идеальная во всём: и как носит вещи, и как водит машину, и как делает макияж, и как танцует, и занимается фитнесом. Она себя так выпестовала, что равных ей не найдешь в целом мире. Во всём разбиралась: и в живописи, и в музыке, и в винах, и даже в биржевых индексах. Всегда сорила деньгами налево и направо, как стрекоза: то на страницах светской хроники в Монте-Карло, то на презентации в Лондоне. Хотя никто не знал, есть ли у неё недвижимость. Мужики сохли по ней.

Яна – удивительное всеядное создание, которое достойно как восхищения, так и презрения. Она и Недоросль, и Знайка; она способна заниматься благотворительностью и совершать мерзкие поступки: то подлая, то благородная, то внушает страх, то почтение. С виду натура страстная, но внутри – айсберг. Помесь уголовщины со сливками общества. Одним словом, женщина она незаурядная.

– Да, она очень яркая, – продолжила Тома, – я слышала о ней от Любы, но избегала личного знакомства. Но это был тот случай, когда отказаться было невозможно. Вы даже

представить себе не можете, что означает у них вечеринка в честь открытия бренда. Во всём должна была быть роскошь, неповторимость и пышность. Как в последний день. Так было и тогда. От изысканно накрытого стола невозможно было отвести глаз: фирменное серебро, посуда, скатерти, море диковинных цветов, звёзды эстрады, изящная публика, обменивающаяся любезностями. И через пару часов стол превращался в мусорную свалку: разбитые бокалы, горы остатков еды, мятые салфетки, шум как на базаре, хохот, крики, скабрёзные тосты, пьяное панибратство и багровые лица. Кто-то, отобрав микрофон у звезды, пытается спеть, а кто-то обнимается или дерется – никто уже не понимает, что он ест или что пьёт. Смешение запахов, рёва голосов, сумасшедших идей и предложений поехать продолжать в какое-нибудь злачное место напоминает мусорную свалку.

И в такой момент этой вакханалии Яна, не то обкуренная, не то пьяная вдрабадан, но в действительности с холодным рассудком, решительно вступила со мной в диалог. Не знаю, как это случилось, действительно ли она обладала гипнотическим даром и околдовала меня, но, выходя с вечеринки, я пообещала ей, что завтра пойду с ней к Любе.

Проснувшись утром, я пыталась вспомнить весь поток словесности, который она ловко применила, чтоб добиться своего. Наконец я собралась с мыслями и вспомнила, что она хлопотала за какого-то клиента, который, если до полудня не достанет нужную сумму денег, лишится репутации.

Речь шла о проигрышах в казино. Яна уверяла меня, что этот мужчина сумеет восстановить своё состояние, но в данный момент его надо спасать. Теперь я поняла, почему оказалась на этой вечеринке. Не успела я заварить утренний кофе, как явилась Яна.

– Послушайте, – сказала я, – не понимаю, зачем я нужна вам как посредник в этом деле. Люба – вежливая и практичная женщина, она даст денег, если вы предоставите весомые гарантии.

– Тома, я не хотела бы сейчас требовать от вас этой услуги, хотя вчера вечером вы мне обещали... Я же объяснила, что мы с Любой поссорились, – заметила Яна с оскорбительной усмешкой.

«Блин, – мысленно выругалась я. – Получится, что я не умею держать слово!»

– Я поеду с вами, – решила я.

Когда мы приехали на знакомую улицу, Яна всё озиралась вокруг с таким странным и напряженным вниманием, и её взгляд выражал такую тревогу, что я поразилась. Она то бледнела, то капельки пота выступали у неё на верхней хорошенькой губке, а как только мы подъехали к дому Любы, у неё чуть задрожали руки. Когда мы вышли из её Ferrari, мимо проехал чёрный BMW. Яна разглядела в углу машины мужскую фигуру, и на её лице вспыхнула почти звериная радость. Люба не сразу открыла нам дверь.

– Привет, – сказала я, шепнув Любе на ухо: «Она очень

опасна», – вот, привела к вам одну из моих знакомых. Полагаю, за обычные проценты вы не будете больше на неё сердиться и, если вам это будет выгодно, решите её проблему.

Яна поздоровалась, села и, готовясь выслушать ответ, приняла грациозно-учтивую позу царицы, которая очаровала бы кого угодно. Но моя Люба оставалась в своём кресле абсолютно безучастной и холодной. Она была похожа на бронзовый бюст цыганки неаполитанской школы эпохи модерна.

– Я решаю проблемы только моих постоянных клиентов, – сказала она.

– Так, значит, вы обиделись за то, что я к другим пошла просить в долг? – усмехнувшись, парировала Яна.

– Просить в долг? – ехидно переспросила Люба.

– Ну-у, вы имеете в виду, что у кого нет денег, тот и в долг просить не должен? Так вы поинтересуйтесь, есть ли ещё у кого-нибудь из ваших постоянных клиентов такие средства, как у меня! – воскликнула вертихвостка и повернулась на высоченных шпильках.

Ёрническая выходка Яны, имевшая важный смысл, несколько, однако, не потревожила Любу.

– Вы знаете, с кем я общаюсь? – продолжала Яна. – Братья Каримовы, Марсы, сын Цзуаней, сама Кэти Гох, Гершковичи – в общем, самые богатые молодые люди Европы. Я на короткой ноге с принцем, у меня пассивный доход в Монако, Лондоне и Америке. Великолепный бизнес! Не так ли?

– Так.

– Вы со мной обращаетесь как с мочалкой, блин! Сперва позволяете впитать денег в соответствующих кругах, а потом, в сложное для меня время, берете и выжимаете. Но берегитесь! Ничто не вечно под луной!

– Пожалуй.

– Да что бы вы делали, если б не было прожигателей жизни? Я нужна вам, а вы мне.

– Верно.

– Ну раз верно, то, Любочка, давайте уже на мировую, а? Сделайте одолжение...

– Ты пришла ко мне, – глухим голосом ответила Люба, – только потому, что ни один банк не даёт тебе кредит. Скоро тебе закроют выезд за границу, и в течение пяти лет ты не сможешь оформить на себя какое-либо имущество. А на прошлой неделе в Монте-Карло ты проиграла кругленькую сумму денег. Всё равно придется платить по счетам, долги никто не простит.

– Послушайте, Люба, мои дела вас не касаются. Долг платежом красен.

– Ну да.

– Я всё оплачу.

– Наверное.

– Для вас вся моя проблема – это возьмете ли вы солидный залог за те деньги, которые мне сейчас очень нужны.

– Верно.

Телефон Яны залился красивой мелодией.

– Сейчас я вернусь и принесу вам кое-что, думаю, вам понравится – гравюру Мюрера «Баня», – и Яна выбежала из комнаты.

– Тому-у-усик! – вскрикнула Люба и вскочила с кресла. – Это самая лучшая новость за последний месяц. Со мной хотели сыграть злую шутку, но сегодня вечером я буду в выигрыше. В двух словах расскажу тебе об этой гравюре, слушай: «В середине XIX века музей „Унстайн“ в Гюренберге приобрел несколько гравюр Мюрера, среди которых был и шедевр „Баня“ 1430 года. До окончания Великой Отечественной войны гравюра висела на стенах „Унстайн“, затем, чтоб спрятать музейные ценности от бомбардировок, их перевезли в красивый замок Воцнерха у озера под Берлином. В мае 1945 года отец Лоры, Дага, будучи связистом в составе артиллерийского батальона и встретив Великую Победу в Воцнерхе, обнаружил там прекрасный замок и спрятанные в подвале замка музейные ценности. Молодой связист неплохо разбирался в искусстве и как трофей взял себе на память одну гравюру.

Уже много лет спустя министр культуры, будучи в гостях у Даги, увидел гравюру, оторопел и попросил выставить её в национальном музее, дабы народ смог любоваться бесценным произведением искусства XV века и просвещаться. Дага не возражал. Откуда ему было знать о намерениях чиновника? А намерения последнего были таковы: организовать при

помощи заинтересованных лиц похищение музейных ценностей и вывезти в США, где планировалось гравюру продать на аукционе в Sotheby's. Однако Даге стали известны намерения преступника – недаром же он был связистом в военные годы, – и он поступил следующим образом: он связался с главой мэрии Воцнерха, представился и рассказал о трофее, хранившемся у него долгие годы, и о своём желании вернуть гравюру на родину в музей.

Радости немцев не было предела. В этот же день Даге позвонил посол Германии, тысячу раз извинялся, благодарил за редкое великодушие и пригласил встретиться, чтоб обсудить условия передачи гравюры на родину. В посольстве Дагу принимали с особым почётом. Дело в том, что в это же время был принят закон «О культурных ценностях, перемещённых в страну в результате Второй мировой войны и находящихся на территории этой страны». Согласно этому закону, перемещённые после Второй мировой войны культурные ценности, оставшиеся в стране, являлись необратимыми. Поэтому жест доброй воли Даги был воспринят немцами с радостью и мог бы послужить примером для других.

В беседе с послом было принято решение об организации турне для Даги по местам боевой славы, и, главное – освещаемое прессой всего мира торжественное возвращение гравюры на своё место в музей «Унстайн» в Гюренберге. Но в ночь того же дня гравюра вместе с другими музейными ценностями была похищена... К её поискам подключился Интерпол,

правоохранительные службы США, Турции и Германии. Даже сам Мартин Скорсезе не смог бы придумать лучшей интриги для напряженной международной драмы, чем это дело, в котором были все компоненты отличного детектива... Не буду углубляться в подробности кругосветного путешествия гравюры и того, как она оказалась в Америке, скажу только, что летом, в один из тёплых июльских дней, в Нью-Йорке был сыгран финал этой тёмной истории, и затем она вернулась к Даге.

Никогда в жизни я не видела Любу такой воодушевлённой. В её ликовании было что-то дьявольское, мерзкое и устрашающее.

– Прошу тебя, не уходи, мне нужен свидетель, как бы эта дрянь Яна ни выкинула чего.

Она успокоилась, подошла к столу и села в кресло.

– Сейчас ты увидишь министра, Авраама, помнишь, про которого я тебе рассказывала? Я узнаю его по голосу с лестницы.

В комнату вошёл высокий мужчина с проседью и красивыми чертами лица. Оглядев мрачную комнату Любы, он бросил тревожный взгляд на Яну. Он и правда был очень симпатичный – настолько, что, несмотря на все его грехи, мне стало его жаль. Муки совести и плохо скрытая боль отражались на его гордом лице. Под руку мёртвой хваткой его держала Яна.

«Ну и Люба, – подумала я, – ведь совсем недавно она яс-

но увидела судьбу этих двух людей. Вероятно, этот монстр с лицом ангела, пользуясь его слабостью, манипулирует им как игрушкой».

– Вот дела! – сказала Сабина. – Видимо, Яна умело пользовалась его добротой, умела разжалобить до слёз, играла на великодушии, злоупотребляла его нежным отношением и очень дорого себя продавала.

– Да, абсолютно так, – подтвердила Тома. – Но время уже позднее. Я засиделась. Может, продолжим в следующий раз?

– Время детское, – улыбнулась Сара. – Ты что же хочешь, чтоб мы до утра не спали?

– Вот именно, тетя Тома, я уж точно не засну, – сказал Давид, многозначительно взглянув на мать.

Тома задумалась, будто загрустила, потом, теребя фантик от конфеты, продолжила свою повесть.

– Авраам предложил Любе в залог гравюру Мюрера «Баня». Люба ликовала. Её лицо, всегда угрюмое и бледное, сухое и жестокое, вдруг озарилось внутренним светом абсолютного удовлетворения. Она назвала сумму.

– Люба, вы что? Вы знаете, сколько предлагали за неё в Sotheby's? – залилась смехом Яна.

– Я знаю, милочка, что картина краденая, была вывезена контрабандой из страны, но усилиями Интерпола её вернули истинному владельцу. А как же Лора, Авраам? – обратилась Люба к министру. – Она в курсе того, что вы отдаёте под залог её фамильную ценность?

– Мы заключим с вами сделку, Люба, по которой я оставлю за собой право выкупить гравюру, а вы дадите мне сумму, указанную вот тут, – отчеканил Авраам.

Он оторвал клочок газеты, лежащей на столе, вытащил ручку и размашисто что-то написал, передав клочок Любе.

– Можно?

– Можно, – вмешалась я, выходя из оконной ниши. – У нас, у юристов, это называется «условная купля-продажа с правом выкупа» и заключается в передаче имущества на определенный сторонами срок, по истечении которого имущество может быть возвращено владельцу при внесении указанной в договоре суммы.

Авраам будто выдохнул. Но Яна – она занервничала, боясь, что Люба передумает. Я никогда не забуду эту сцену. Лицо Любы раздурманилось, в глазах, обычно тусклых, загорелись две дьявольские свечи. Она рассматривала гравюру и сзади, и наоборот, взяв лупу, что-то изучала, будто разбиралась в артефактах. Может, и разбиралась, я бы не удивилась и этому. В эту минуту она опять была цыганочкой-ребенком, но пожилым ребенком, у которого вот-вот должна была исполниться детская мечта.

– Sotheby’s, говорите, – хихикнула Люба, – да кто ж в наше время даст такие деньги за гравюру.

Авраам будто сник и замер, погрузившись в раздумье. И я почему-то слегка начала радоваться за него – мне почудилось, что он вдруг понял, в какую глубокую пропасть скатил-

ся. Значит, зародыши совести ещё не совсем превратились в пепел в его душе; значит, достаточно какого-нибудь толчка, усилия, достаточно лишь подтолкнуть его, чтоб спасти. И я решилась, решилась попытаться:

– Это в самом деле фамильная ценность вашей супруги?

– Да, – ответил Авраам, надменно взглянув на меня.

– Тома, пиши акт купли-продажи, – сказала Люба и, встав из-за стола, указала мне рукой на свое кресло.

– Я отказываюсь составлять акт! – вскрикнула я.

– Почему это? – спросила Люба.

– Как? Вы что, не понимаете? – возмутилась я и, отведя Любу к окну, тихо прошептала: – Это же приданое Лоры, то есть совместное имущество. Акт будет признан незаконным, а вы не сможете сказать, что были не в курсе, раз есть акт. Вам придётся отдать гравюру.

Люба кивнула, дав мне понять, что всё поняла, и повернулась к Аврааму и Яне:

– Тома права, условия меняются. Половина той суммы, что вы указали, и гравюра остаётся у меня.

– Но... – прошипела Яна.

– Никаких «но», – перебила её Люба. – Я не хочу рисковать.

– Поговорите с супругой, – тихонечко сказала я Аврааму.

Люба, угадав мои слова, бросила на меня сверлящий взгляд. Авраам явно колебался. Яна, позеленев от злости, тараторила ему что-то в ухо. Но мне удалось расслышать: «Ты

меня достал. Будь счастлив. Я сваливаю».

– Хорошо! – воскликнул Авраам, повернувшись к Любе. – Я согласен.

– Ну и отлично! Очень уж вы нерешительный, Авраам. Часть суммы я заплачу вам расписками, которые не так давно, ещё до нашего недопонимания с Яной, она мне передала. Не так ли, Яна? – сказала цыганка, ехидно улыбаясь. – Она отдала мне их за очередной долг. Ты ж везде говоришь, Яна: «Мои долги всегда будут оплачены». Тебе удалось.

Авраам, кивнув и буркнув что-то под нос, выбежал. Яне пришлось последовать за ним, но напоследок она бросила:

– Если хоть одна душа узнает об этом, прольётся чья-то кровь.

– Чтобы пролить свою кровь, надо её иметь, – ответила Люба, – а у тебя вместо крови – мерзость.

Когда мы услышали звук отъезжающих машин, Люба вдруг подпрыгнула и, повторяя цыганские движения, заголосила: «Эх раз, ещё раз, ещё много-много раз!..».

Я остолбенела, онемела. Передо мной была абсолютно другая женщина – сияющая как солнце, искрящаяся радостью и светом.

– Ой, Томусик! Я и забыла совсем, что ты тут. Сегодня у тебя пообедаем, а то ведь знаешь – я не хожу во все эти рестораны с их нереальными ценами.

Я продолжала стоять как вкопанная, и Люба, заметив наконец выражение моего лица, сразу вернулась в состояние

айсберга.

– Я вижу, ты не понимаешь, – сказала она, усаживаясь на стул перед столом. – Позавтракаем? Тут на двоих хватит.

– Нет, спасибо, – ответила я. – Не хочется.

В эту минуту кто-то нервно позвонил. Люба пошла открывать дверь. Вошла женщина лет эдак под сорок. Она была одета по последней моде и очень стильно смотрелась в накинутом на плечи кашемировом пальто, очках Gianni Versace, зауженных брючках и в кружевной блузке. Довольно стройная, в туфлях на высоком каблуке, с очаровательными ямочками на щеках – одним словом, породистая и элегантная. Это была жена Авраама, Лора. Вы, Сара, вероятно, с ней встречались: у нее была, как бы это сказать, величаявая осанка жён, дочерей, родственников людей, стоявших у власти – простите, людей вашего круга.

– Люба, – сказала Лора, – Авраам сейчас был у тебя!

– Да! – ответила Люба, сохраняя завидное спокойствие.

– В тот день, когда ты принесла мне голубое платье с вышивкой и стразами, – сказала Лора с усмешкой, – ты же оказалась у него в кабинете не кофе выпить? Ты приходила за деньгами, которые он в глаза не видел, и Авраам отдал тебе свои часы!

– Лора, это не моё дело, милочка, я не интересуюсь такими вещами, – возразила Люба, бросив на Лору ехидный взгляд. – Я отдала по его расписке деньги и пришла за ними день в день, – добавила Люба без намёка на беспокойство,

насыпая дешёвый растворимый кофе в чашку. – И вообще, Лора, я нахожусь в собственном доме, и ты не имеешь права мне тут нотации читать. Я, милочка, достигла совершеннолетия еще в прошлом веке.

– Отлично. Но ты купила у моего мужа ценную гравюру, принадлежащую не ему, а моей семье.

– Послушай сюда. Я не считаю себя обязанной посвящать тебя в свои дела, но скажу тебе одно: если Авраам и взял у тебя тайно гравюру, тебе следовало написать заявление в полицию или прийти сюда с бумагой-подтверждением информации о возбуждении уголовного дела. Это делают, чтобы избежать ложных обвинений, хулиганства, голословных утверждений, эмоциональных споров супругов и хозяйствующих субъектов. Если заявление и уголовное дело есть – вопрос, считайте, решен. Я сделаю так, чтобы она не была продана. Я и мой юрист Тома – мы всегда вникаем в каждую ситуацию и стараемся избежать спорных залогов.

– Люба-а-а, – прошептала Лора, – ты же знаешь, кто мой муж!

– Да!

– Мы в браке уже много лет!

– Я в курсе.

– Он не имел права так поступать с нами!

– Правильно.

– И что теперь делать?

– А вот что. Я знаю вашу семью, в браке вы уже много

лет – согласна с тобой. Но то, что это именно твоя, Лора, гравюра и на неё у тебя имеется особый патент – я не знаю. Если ваш супруг совершает финансовые махинации, сделки, то, конечно же, он может и продавать семейные реликвии, коль у вас нет особых документов. Нормально, Лора.

– Ясно, Люба! – вскрикнула Лора, бледнея от гнева. – Существуют известные органы, суд, полиция.

– Совершенно верно.

– Вот ваша Тома была свидетелем продажи, – добавила Лора, указывая на меня.

– Возможно.

Лора направилась к двери. И тут я поняла, что должна вмешаться и что-то предпринять: дело принимало плохо пахнущий оборот.

– Лора, – сказала я, – всё правильно, но ведь Люба ни в чём не виновата. Вы не сможете привлечь её к суду, оставив вашего супруга в стороне. Опозорятся все. Я, как юрист, да и просто как порядочный человек, подтверждаю, что продажа произведена в моём присутствии. Но я не думаю, что вам удастся расторгнуть эту сделку как незаконную, и нелегко будет вернуть гравюру как вашу собственность, так как Авраам – ваш супруг, и личного документа у вас на гравюру нет. По справедливости, вы правы, но по закону – вы проиграете. Люба – честная женщина и не станет отрицать, что купила гравюру очень выгодно для себя, да и я, по совести, засвидетельствую это. Но если вы начнёте процесс, то, думаю, исход

его будет неопределённым. Договоритесь с Любой, ведь если дело дойдёт до суда, она легко докажет свою правоту. Всё равно нужно будет возвращать деньги, которые ваш супруг взял у неё в моём присутствии. Считайте, что ваша семейная реликвия находится на сохранении на определенное время, если сейчас вы не в состоянии вернуть сумму, полученную вашим супругом. Если у вас есть достаточные возможности, чтоб заплатить сегодня же, – то без проблем.

Люба преспокойно слушала мою речь, попивая вонючий кофе, но, услышав слова «договоритесь», бросила на меня взгляд, говоривший: «Молодец! Усвоила мои уроки!». Я ответила ей взглядом, который она прекрасно поняла: «Дело очень спорное, нужна взаимная договорённость». Люба не смогла бы ничего отрицать, зная, что я всегда говорю правду. Лора улыбнулась мне и присела. Я составила документ, по которому Лора признавала, что получила от Любы сумму денег и что после уплаты Лорой полной стоимости долга, включая проценты, Люба вернёт ей гравюру.

– Какое легкомыслие! – грустно воскликнула Лора, подписывая документ. – Как сравнять с землей эту бездонную яму?

– Лора, у вас же и дети есть? – серьёзным тоном спросила Люба.

От этих слов у Лоры передёрнулось лицо, как будто Люба, как хирург, острым скальпелем тронула открытую рану. Она промолчала.

– Ну да, – буркнула Люба, видя её горестное молчание. – Я прекрасно всё понимаю. Авраам – чудовище, а ты всё ещё влюблена в него. Всё ясно! Твоя история даже меня расстроила. Если хочешь спасти своих детей, сберечь то, что тебе осталось от отца – а я знаю, что это немало, – то послушай меня: живи для себя, развлекайся, делай вид, что ты тратишь налево и направо деньги отца, а сама почаще заходи ко мне. Пусть думают, что ты тоже пустилась во все тяжкие с моей помощью. Мне плевать, что будут говорить про меня. За меня есть кому постоять. И найди проверенного человека, очень верного твоему отцу, передай ему фиктивно наследство твоего отца. У вас, у юристов, это называется «передача имущества», кажется? – спросила она, повернувшись ко мне.

Лора была очень озабочена и, уходя, сказала:

– Деньги я пошлю завтра, приготовьте гравюру.

– Дурачье все эти ваши «благородные» люди, – сказала Люба презрительно, когда ушла Лора.

– Скорее порочные, – ответила я.

Когда я уходила, Люба напомнила мне:

– Пусть она заплатит тебе за оформление документов.

Спустя пару дней после этого случая, открывшего мне подноготную гнусной жизни министра, ко мне в кабинет явился поверенный Лоры. Лысый мужчина, одетый с иголочки, очень любезный и приятный на лицо, представился:

– Я Роман, близкий друг семьи Лоры. Её покойный отец во всём и всегда мне доверял. Можно сказать, что лучше ме-

ня никто не знает об истинном наследстве Лоры. Я навёл о вас справки и хочу сказать, что питаю к вам полное доверие. Надеюсь, я смогу вам это доказать. Насколько мне известно, вы вели дела Сары, и весьма удачно.

В этом месте своего рассказа Тома повернулась к Саре и сказала: «Видите, помогла я вам всего лишь один раз, а потом пошли дивиденды», на что Сара приветливо кивнула головой. Затем Тома подошла к окну, присела на широкий подоконник и продолжила.

– Я также навёл справки о Любе, – сказал мне Роман. – Из всего, что я узнал, многое меня поразило. Она скорее масон, чем портниха цыганского происхождения. Что вы думаете о её порядочности?

– Люба мне помогла... в виде пятнадцати процентов, – добавила я, смеясь. – Но её скупость не даёт мне права слишком откровенничать о ней с незнакомым мне человеком.

– Да, уже понял: она далеко не ангел, но всё же, прежде чем я изложу наше с Лорой решение, хотелось бы, чтоб вы рассказали подробнее.

– Ну, как вам объяснить, – сказала я. – Она относится к деньгам как цыганка. То есть для Лоры деньги – это изделие, вещь, чужое. Люба же придерживается определенной шкалы ценностей, которая является составной частью её менталитета. Это закрытость, истоки которой следует искать в истории её народа, пережившего многовековые преследования, унижения, обвинения во всех смертных грехах, угрозы – вплоть

до полного уничтожения. Ученые до сих пор не могут объяснить, как цыгане, вышедшие из среды беднейших индийских племен танцоров и ремесленников, покинувшие родные земли, сумели сохраниться как народ, в то время как высокоразвитые цивилизации майя, инков и ацтеков, обладавшие глубокими знаниями, исчезли с лица земли... Люба – портниха, Люба – процентщица. Не удивлюсь, если она окажется тайным агентом или членом тайного общества. То, что она дерет большие проценты – так она такой же бизнесмен, как и все, кто занимается спекуляцией. Она очень трудолюбива, чрезмерно скупа и педантично честна. Она одновременно низкая и нравственная. Вот такой я представляю себе Любу, я бы доверилась ей. Я мало что знаю о её прошлом, но я чувствую, что ей пришлось пройти жестокие испытания, в которых она получила редкую закалку и связи. Я уверена, что у неё есть невидимые покровители. Когда я расплатилась с ней полностью, то робко спросила, почему она, желая помочь мне, своей единственной подруге, всё же оказала мне услугу платно, а не бескорыстно. «Томусик, я освободила тебя от кандалов благодарности, и теперь ты считаешь, что ничем мне не обязана. Поэтому-то мы с тобой и подруги». Думаю, я смогла обрисовать вам её портрет.

– Да, несомненно, – сказал Роман, удовлетворенно вздохнув. – Пожалуйста, Тома, приготовьте все нужные документы для передачи Любе всех прав на имущество Лоры. Одновременно вы составите встречную расписку о фиктивности

продажи, которая наложит на Любу обязательство управлять наследством Лоры по своему усмотрению и передать его в руки старшей дочери Лоры, Лике, после её совершеннолетия. Однако эту расписку я Лоре не дам. И Лике тоже не дам. Вы сами понимаете, с каким монстром они живут под одной крышей. Мы решили с Лорой, что этот документ должен храниться у вас, Тома. Если вдруг с Любой что-то произойдёт, она назначит вас наследницей имущества Лоры. Мы, кажется, всё предусмотрели.

Роман был очень взволнован.

– Должен вам сказать, что Лора неизлечимо больна. Ей недолго осталось. Рак, – собравшись с духом, выпалил Роман. – Нужно принимать решительные меры и как можно быстрее.

– Как же страшно! – воскликнула я. – Она так прекрасна... и так несчастна! Но если это, не дай бог, случится, то её младшие дети остаются ни с чем. Кажется, вы не учли очень важную деталь. А как же другие дети Лоры? Нет, пока мы не решим этот вопрос, я не смогу взять на себя такую ношу.

Лысина Романа вспотела, в глазах появились две грустинки. Он встал и протянул мне руку:

– Как жаль, что я не знал вас раньше. Мы обязательно должны учесть долю двух братьев Лики.

Я проводила его до дверей, и мне показалось, что он ушёл с чувством глубочайшего удовлетворения.

– Вот, Давид, какие люди хозяйничали у нас в стране, ка-

тясь по наклонной в пропасть и увлекая за собой других. Достаточно порой первой взятки за незаконное дело ради своих меркантильных желаний – и щупальца беспредельной жадности затягивают на самое дно. Сами стремятся к такому, послушавшись голоса самонадеянного тщеславия, гордости, поверив в безнаказанность! А стоит только перейти черту, и человек попадает в руки трёх исчадий ада – бесчестья, мук совести и разорения. И...

– Давид, сынок, – сказала Сара, прерывая Тому, – заметим, что не всё так плохо, как тут обрисовала Тома. Есть в мире и честь, и добро, и благородство. Тома в своей конторе такого навидалась, что мама не горюй!

– Да ладно вам, Сара, – всё есть в газетах, в интернете, по телевидению...

– Ну да, Томочка, продолжай, пожалуйста!

– Хорошо, – согласилась Тома. – После моей встречи с Романом прошло довольно много времени. За это время в медиа появились разгромные статьи о хищениях в особо крупных размерах из государственной казны министерством Авраама. От обнародованных данных волосы становились дыбом. Вся общественность осуждала и проклинала министра-вора. Дела передали в прокуратуру, все его счета заморозили, а министра взяли под домашний арест. Ни от Лоры, ни от Романа не было никаких новостей, а ведь важнейший документ судьбы и будущего её детей должен был храниться у меня. Но я так замоталась в этой бытовой рутине, что по-

что не вспоминала о Лоре. Как-то, обедая с Любой у меня дома, я вдруг вспомнила и спросила, почему исчезла Лора.

– Так ведь она при смерти, – ответила Люба. – Слабая она, не умела победить горе, вот оно и убивает её. Чтоб жить – нужно вкалывать, научиться проживать жизнь. Без трудностей и невзгод не вырабатывается иммунитет от несчастья, и кирдык! Ты уже не можешь справиться с эмоциями, со стрессом. Ну, а если иммунитет выработался, значит, жить тебе сто лет, как кипарису – кстати, очень люблю их.

– Как же мне её жаль, – воскликнула я.

– Жаль, не жаль, – заметила Люба, – но дело о наследстве – лакомый для тебя кусочек.

– А скажите-ка мне, Люба, – решила я прощупать почву, – почему из всех клиентов только я и Лора вызвали твоё участие?

– Потому что вы прямодушно доверились мне.

Такой ответ Любы меня успокоил. Но всё же я решила позвонить Роману. Ничего утешительного он мне не сказал. Лору два раза вывозили за границу: сперва в Лондон, потом в Турцию. Колоссальные средства, которые она тратила на свое лечение, как и договорились, Лора якобы брала у Любы. Роман также сказал, что сейчас Лора находится дома под наблюдением врачей и под зорким глазом Авраама, который не теряет надежды откупиться в верхах за счёт наследства жены.

– Шкура и рвач, – сказала Люба, когда я ей передала эту

информацию.

И я всё же подумала, что Люба не воспользуется документом о «передаче имущества», но решила навеститься к Лоре.

В Оазисный район я приехала довольно быстро. Ворота были открыты, во дворе не было ни души. Вероятно, в связи с финансовым крахом, домашним арестом, отставкой и позорными статьями в прессе весь обслуживающий персонал сбежал. Я поднялась по парадной лестнице и попала в гостиную, где находился Авраам с младшими детьми. Увидев меня, он вскочил с места, пошёл было мне навстречу, потом сел и молча указал на свободные кресла у камина.

Мгновенно он будто надел на лицо маску, под которой «шишки» так искусно прячут свои ненасытные желания. От стрессов его внешность потеряла привлекательность, но природная поджарость и черты лица не изменились и свидетельствовали о былой неотразимости.

– Я бы хотела поговорить с Лорой, – начала я, – у меня к ней важное дело.

– Я был бы счастлив, если бы она захо захотела вас видеть, – заметил он, прерывая меня. – Моя супруга никого не хочет видеть, с трудом переносит визиты врача, гонит всех, даже меня. У больных бывают бзики. Лора ведёт себя как ребёнок, сама не знает, чего хочет.

– Думается, совершенно противоположно – именно как все дети, больные прекрасно знают, чего хотят.

Авраам сделал «незнакомый цвет лица», а я пожалела, что

так сказала, и решила сменить тему.

– Но как же, – спросила я, – разве можно оставлять больного всё время одного?

– Лика, моя старшая дочь, возле нее, – ответил бывший министр.

Я внимательно смотрела на него. Он не покраснел, не смутился ни на йоту – он твёрдо решил хранить свой секрет.

– Мой визит – не из праздного любопытства. Да, – продолжила я, – это касается очень важных вещей, можно сказать, интересов... – и я тут же прикусила язык.

Авраам моментально воспользовался моей осечкой:

– «Муж и жена – одна сатана». Пожалуйста, обращайтесь ко мне, я вас слушаю.

– Извините, но это касается только Лоры, – возразила я.

– Ну что ж, я передам Лике о вашем желании поговорить с матерью.

Его вкрадчивый голос и вежливые манеры не обманули меня – я догадалась, что он ни за что не пустит меня к Лоре. Потом мы ещё чуть-чуть поболтали на нейтральные темы, и всё это время я наблюдала за Авраамом. Но, как и все прожжённые мошенники, имея чёткий план действий, он скрывал его с таким талантом, который может быть только у лицемерного должностного лица. Он был преступником, и потому в глубине души я опасалась его. В его повадках, взглядах, в манере держать себя, в голосе чувствовалось, что он знает, что ждёт его в будущем. Я попрощалась и ушла...

Сейчас расскажу вам концовку этой истории с некоторыми подробностями, разгаданными Любой и мной. По-видимому, когда Лора решила победить болезнь и оплачивала счета самых дорогих клиник, между супругами происходили сцены, скрытые от всех, которые дали Лоре основание ещё больше презирать мужа. Когда она уже не могла сама о себе позаботиться, её отвращение к нему проявилось во всём: она запретила всем, кроме Лики и врачей, входить к ней в спальню. Если запрет пытались нарушить, это вызывало такие опасные для жизни припадки, что сам врач умолял Авраама подчиниться распоряжениям жены.

Авраам видел, как всё семейное состояние – драгоценности, уникальные картины, золото – уплывает в руки Любы, казавшейся ему вампиром, высасывающим наследство жены, и он догадался, что у Лоры есть какая-то цель. Тем временем Яна исчезла; говорили, что она с солидной суммой денег сбежала, как только начались разоблачения, связанные с Авраамом, и живёт припеваючи на Сейшельских островах. Угадать тайный умысел Лоры, подсказанный ей Любой, чтобы защитить детей, могла бы только Яна.

Чтобы Авраам подписал нужные бумаги по продаже имущества для лечения за рубежом, Лоре пришлось много помучиться и понервничать. Он долго не соглашался перевести движимое и недвижимое имущество в акции «Газдепа». Но в итоге согласился. Он думал, что акции хранятся в сейфах банков и он, как законный супруг покойной (а он уже ду-

мал о Лоре только так), сможет ими завладеть. Как ему казалось, у Лоры должен был находиться на руках документ, который даёт Лике возможность защитить свои права на причитающуюся ей долю наследства. Поэтому он решил и днём и ночью строго следить за спальней жены. Как бывший администратор и менеджер он подчинил всех и вся слежке. Весь день он, под видом домашнего ареста, находился в гостиной перед спальней Лоры. Прослушивал телефонные разговоры, никого не впускал и даже ночью переселился спать на диван в гостиной.

Доктора и медсёстры были на стороне Авраама – вот умел он обаять кого надо! Его лживая верность жене всех восхищала. С самородной ловкостью коварного тролля он скрывал настоящие причины ненависти, которую питала к нему Лора, и так замечательно разыгрывал печаль, что стал, можно сказать, популярным.

– Кое-кто из вашего круга, Сара, – заметила Тома, – даже считал, что он испил чашу наказания до дна.

Страшные картины убожества, безденежья, лишения и осуждения его жизни детьми лишили Авраама сна. Он старался изо всех сил не потерять выдержку и хладнокровие. Любым путём ему нужно было оградить свою жену, которая корчилась от костных болей в своей комнате, от всех. Он был рядом с ней, но и не рядом; бесправным, но и могущественным. Он носил маску преданного мужа, но уже строил планы по распоряжению наследством после её смерти – будто

песчаный паук, вырвавший зыбучую ямку, ожидает несчастную букашку, прислушиваясь к движению каждой крупинки. Откровенно говоря, Авраам оказался на редкость нежным отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.